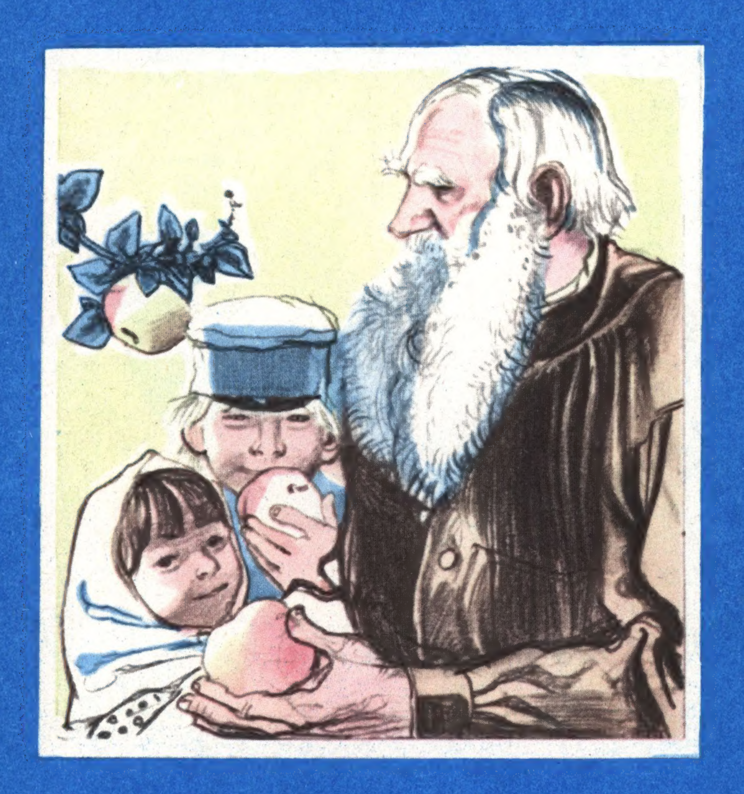
КНИГА ЗА КНИГОЙ



САД ТОЛСТОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

КНИГА ЗА КНИГОЙ

САД ТОЛСТОГО

Избранные воспоминания

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

СОДЕРЖАНИЕ

Рисунки А. Слепкова

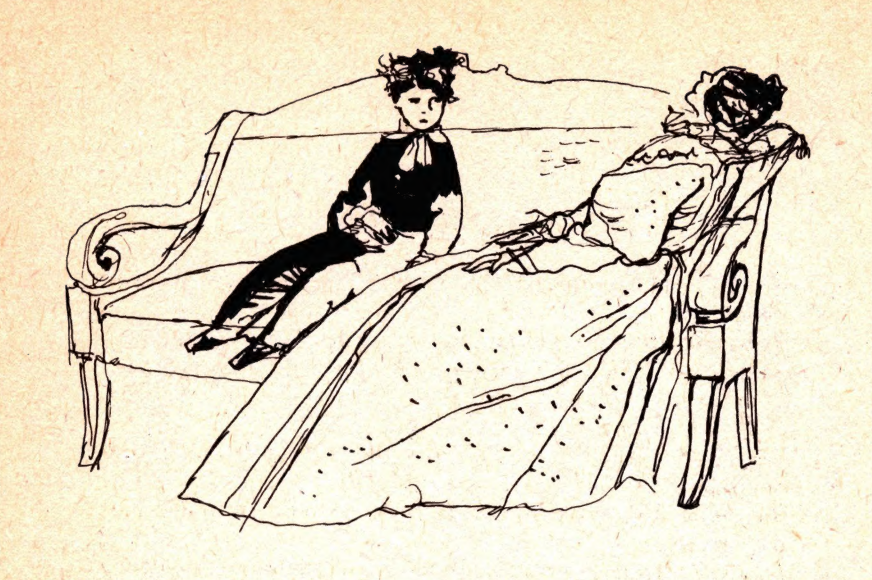
С14 **Сад** Толстого: Избранные воспоминания/Рис. А Слепкова.— М.: Дет. лит., 1987.—64 с., ил.— (Книга за книгой).

10 к.

В книгу входит фрагмент из воспоминаний Л. Н. Толстого о своем детстве, а также воспоминания ученика Яснополянской школы, воспоминания внука Л. Н. Толстого и другие материалы на тему «Толстой и дети».

С $\frac{4803010101-376}{М101(03)87}$ 142—87

ББК 83.3Р1+83.3(2)Л6
8Р1(069)



ДЕТСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО

Из воспоминаний писателя

Родился я и провёл первое детство в деревне Ясной Поляне. Матери своей я совершенно не помню. Мне было полтора года, когда она скончалась. По странной случайности, не осталось ни одного её портрета... в представлении моём о ней есть только её духовный облик, и всё, что я знаю о ней, всё прекрасно, и я думаю — не оттого только, что все говорившие мне про мать мою старались говорить о ней только хорошее, но потому, что действительно в ней было очень много этого хорошего...

Детство своё мать прожила частью в Москве, частью в деревне, с умным, гордым и даровитым человеком, моим дедом Волхонским...

Дед мой считался очень строгим хозяином...

Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таков же разбитый им парк перед домом. Вероятно, он также очень любил музыку, потому что только для себя и для матери держал свой хороший небольшой оркестр. Я ещё

застал огромный, в три обхвата, вяз, росший в клину липовой аллеи, вокруг которого были сделаны скамьи и пюпитры для музыкантов...

Жизнь моей матери в семье отца, как я могу заключить по письмам и рассказам, была очень счастливая и хорошая.

Семья отца состояла из бабушки, старушки — его матери, её дочери — моей тётки, графини Александры Ильиничны Остен-Сакен, и её воспитанницы Пашеньки, другой тётушки, как мы называли её, хотя она была нам очень дальней родственницей, Татьяны Александровны Ергольской, воспитывавшейся в доме дедушки и прожившей всю свою жизнь в доме моего отца...

Детей нас было пятеро: Николай, Сергей, Дмитрий, я — меньшой, и меньшая сестра Машенька...

Отец мой с молодых лет оставался единственным сыном своих родителей... В 12-м году отцу было семнадцать лет, и он, несмотря на нежелание и страх и отговоры родителей, поступил в военную службу... Он проделал походы 13—14 годов и в 14-м году, где-то в Германии, будучи послан курьером, был французами взят в плен, от которого освободился только в 15-м году, когда наши войска вошли в Париж...

После кампании отец, разочаровавшись в военной службе, — это видно по письмам, — вышел в отставку и приехал в Казань, где, совсем уже разорившись, мой дед был губернатором... Дед скоро умер, в Казани же, и отец остался с наследством, которое не стоило и всех долгов, и с старой, привыкшей к роскоши матерью, сестрой и кузиной[1] на руках. В это время ему устроили женитьбу на моей матери, и он переехал в Ясную Поляну, где, прожив девять лет с матерью, овдовел и где, уже на моей памяти, жил с нами...

Дома отец, кроме занятий хозяйством и нами, детьми, ещё много читал. Он собирал библиотеку,

---

[1] Кузи́на — двоюродная сестра.

состоящую по тому времени в французских классиках, исторических и естественно-исторических сочинениях...

Помню, как он приходил к нам вниз и рисовал нам картинки, которые казались нам верхом совершенства.

Помню, как он раз заставил меня прочесть ему полюбившиеся мне и выученные мною наизусть стихи Пушкина «К морю»: «Прощай, свободная стихия...», и «Наполеону»: «Чудесный жребий совершился, угас великий человек...» и т. д. Его поразил, очевидно, тот пафос, с которым я произносил эти стихи... Я понял, что он что-то хорошее видит в этом моём чтении, и был очень счастлив этим. Помню его весёлые шутки и рассказы за обедом и ужином, как и бабушка, и тётушка, и мы, дети, смеялись, слушая его...

Помню, как мы с ним ходили гулять, и как увязавшиеся за ним молодые борзые[1], разрезвившись по нескошенному лугу, на котором высокая трава подстёгивала их и щекотала под брюхом, летали кругом с загнутыми набок хвостами, и как он любовался ими. Помню, как в день охотничьего праздника 1 сентября мы все выехали в линейке к отъёмному лесу, в котором была посажена лисица, и как гончие гоняли её и где-то — мы не видели — борзые поймали её. Помню особенно ясно садку волка[2]. Это было около самого дома. Мы все пешком вышли смотреть. На телеге вывезли соструненного[3] большого, с связанными ногами, серого волка. Он лежал смирно и только косился на подходивших к нему. Приехав на место за садом, волка вынули, прижали вилами к земле и развязали ноги. Он стал рваться и дёргаться и злобно грыз струнку[4]. Наконец развязали на затылке и струнку, и кто-то крикнул:

[1] Борзы́е — порода охотничьих собак.

[2] Са́дка волка — травля пойманного волка собаками.

[3] Состру́ненный — то есть с крепко связанной пастью.

[4] Стру́нка — крепкий тонкий ремень из сухожилий животных.

«Пущай!» Вилы подняли, и волк поднялся, постоял секунд десять. Но на него крикнули и пустили собак. Волк, собаки, конные верховые полетели вниз по полю. И волк ушёл. Помню, отец что-то выговаривал и, сердито махая руками, возвращался домой...

Я очень любил отца, но не знал ещё, как сильна была эта моя любовь к нему, до тех пор, пока он не умер...

У нас были две родные тётки и бабушка. Все они имели на нас больше прав, чем Татьяна Александровна, которую мы называли тётушкой только по привычке, так как родство наше было так далеко, что я никогда не мог запомнить его, но она, по праву любви к нам... заняла в нашем воспитании первое место. И мы чувствовали это. И у меня бывали вспышки восторженно-умилённой любви к ней. Помню, как раз на диване в гостиной (мне было лет пять) я завалился за неё; она, лаская, тронула меня рукой. Я ухватил эту руку и стал целовать её и плакать от умилённой любви к ней...

К прислуге она была добра, никогда сердито не говорила с ней, не могла переносить мысли о побоях или розгах, но считала, что крепостные — крепостные, и обращалась с ними, как барыня. Но, несмотря на то, её, отличая от других, любили все люди...

Главное свойство её жизни, которое невольно заражало меня, была, во-первых, её удивительная всеобщая доброта ко всем без исключения. Я стараюсь вспомнить и не могу ни одного случая, когда бы она рассердилась, сказала резкое слово, осудила бы, я не могу вспомнить ни одного случая за тридцать лет жизни...

Помню ещё, как мы катались маленькими на салазках с крутой горы мимо закут (как весело было!), и какой-то проезжий, вместо того чтобы ехать по дороге, поехал на своей тройке на эту гору. Кажется, Серёжа с деревенским мальчиком

раскатился и, не удержав салазки, попал под лошадей. Ребята выкарабкались без ушибов. Тройка въехала на гору. Мы все были заняты происшествием: как вылезли из-под пристяжной, как коренная испугалась и т. п. Митенька же подошёл — мальчик лет девяти — к проезжему и начал бранить его. Я помню, как меня удивило и не понравилось то, что он сказал, что за это, чтобы не смели ездить, где нет дороги, стоит на конюшню отправить. На языке того времени значило высечь...

Старший брат Николенька был на шесть лет старше меня. Ему было, стало быть, десять-одиннадцать, когда мне было четыре или пять, именно когда он водил нас на Фанфаронову гору. Мы в первой молодости — не знаю, как это случилось — говорили ему «вы». Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек... Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории с привидениями или юмористические истории... без остановки и запинки, целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка.

Когда он не рассказывал и не читал (он читал чрезвычайно много), он рисовал. Рисовал он почти всегда чертей с рогами, закрученными усами, сцепляющихся в самых разнообразных позах между собою и занятых самыми разнообразными делами. Рисунки эти тоже были полны воображения и юмора.

Так вот он-то, когда нам с братьями было — мне пять, Митеньке шесть, Серёже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми; не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями... И я помню, что слово «муравейные» особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, кото-

рая состояла в том, что садились под стулья, загораживая их ящиками, завешивали платками и сидели там, в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру.

Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги на краю оврага Старого Заказа[1], в том месте, в котором я — так как надо же где-нибудь зарыть мой труп — просил, в память Николеньки, закопать меня. Кроме этой палочки, была ещё какая-то Фанфаронова гора, на которую, он говорил, что может ввести нас, если только мы исполним все положенные для того условия. Условия были, во-первых, стать в угол и не думать о белом медведе. Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе. Второе условие, я не помню, какое-то очень трудное... пройти, не оступившись, по щёлке между половицами, а третье лёгкое: в продолжение года не видать зайца — всё равно живого, или мёртвого, или жареного. Потом надо поклясться никому не открывать этих тайн.

Тот, кто исполнит эти условия и ещё другие, более трудные, которые он откроет после, того одно желание, какое бы то ни было, будет исполнено. Мы должны были сказать наши желания. Серёжа пожелал уметь лепить лошадей и кур из воска, Митенька пожелал уметь рисовать всякие вещи, как живописец, в большом виде. Я же ничего не мог придумать, кроме того, чтобы уметь рисовать в малом виде. Всё это, как это бывает у детей, очень скоро забылось, и никто не вошёл на Фанфаронову гору, но помню ту таинственную важность, с которой Николенька

---

[1] Старый Заказ — лес в Ясной Поляне, где похоронен Л. Н. Толстой.

посвящал нас в эти тайны, и наше уважение и трепет перед теми удивительными вещами, которые нам открывались.

В особенности же оставило во мне сильное впечатление муравейное братство и таинственная зелёная палочка, связывавшаяся с ним и долженствующая осчастливить всех людей...

Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешенными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зелёная палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает.

В. Морозов

ЯСНОПОЛЯНСКАЯ ШКОЛА[1]

Из воспоминаний ученика Яснополянской школы

В 1859 году ранней осенью нам оповестили по деревне, Ясной Поляне, о желании Льва Николаевича открыть школу в Ясной Поляне и о том, чтобы желающие дети приходили учиться, что школа открывается бесплатная. Я помню, какая была суматоха. На деревне начались сходки, начались разные толки, суждения:

«Как? Почему? Не обман ли какой? Махина не

---

[1] Л. Н. Толстой в 1859 году устроил в своём имении Ясная Поляна школу для крестьянских детей. Тогда в нашей стране было очень мало школ даже в городах, а в деревнях почти все крестьяне были неграмотны. Толстой сам учил крестьянских детей, писал для них учебные книги. Работу в школе Л. Толстой считал важнейшим делом своей жизни.

махонькая учить бесплатно. Их, пожалуй, наберётся пятьдесят ребят, а то и больше. Он обучит и отдаст их в солдаты. И они как раз попадут под турку».

«Вы как хотите, а я пошлю своего», — сказал один, за ним другой и третий, помялись некоторые, согласились и все: «И я, и я своего»...

На проулок стали собираться ребята, некоторых их отцы и матери провожали, каждый своего. Шествие тронулось, и я позади всех, провожаемый своей сестрой. Через несколько минут мы стояли перед домом Льва Николаевича. Шушукаются ребята между собой.

Я стоял, как собачий объедок, чувствуя, что я хуже всех одет, даже и меньше всех ростом, беднее всех и сирота. Мне мерещилось: «Ну-ка меня прогонят».

Вот решение судьбы: послышался сверху, где-то по лестнице голос мужественный, но и как бы ласковый.

— Давно пришли?

— Давно уже.

Одна секунда, и на крыльце появился человек, наш учитель. Все обнажили головы и низко поклонились. Я с замиранием сердца ухватился за сестру, держась её сзади, и стоял за ней, как за маленькой крепостью.

— Ну вот, я очень рад, — сказал он, улыбаясь и осматривая всех.

И он быстро пронизал глазами толпу, отыскивая маленьких, что спрятались за отца или за мать. Он вошёл в середину толпы и начал спрашивать первого мальчика:

— Ты хочешь учиться?

— Хочу.

— Как тебя звать?

— Данилка.

— А фамилия твоя?

— Козлов.

А Б В Г Д Е

— Ну вот, мы будем учиться.— И он начал обращаться к каждому мальчику: — Как тебя звать?

— Игнатка Макаров.

— Тебя?

— Тараска Фоканов.

Поворачиваясь в другую сторону, Лев Николаевич наткнулся на мою сестру.

— Ты что, учиться пришла? Будешь учиться? И девочки приходите. Все будем учиться.

Очередь дошла до меня.

— Ты что, учиться хочешь?

И глаз на глаз я стоял перед учителем, трясся, как осиновый лист.

— Хочу,— ответил я ему робко.

— Как тебя звать?

— Васька.

— А фамилию знаешь свою? — спросил он, и мне показалось: он смотрел на меня, как на заморуха.

— Знаю.

— Скажи.

— Морозов.

— Ну, я тебя буду помнить. Морозов Васька-кот.— И улыбнулся, и лицо его показалось мне одобрительным. Мы будто как виделись когда-то с ним раньше.

— Ну, Морозов, пойдём. Макаров, Козлов, идите все за мной.

Мы поднялись по длинной лестнице и очутились в большой комнате, высокой, как молотильный в деревне сарай. Потолок был чистый, пол тоже хороший, чище наших столов, на стенах висели какие-то картины.

В другой комнате так же было светло, пол и потолки чистые, так же высоко. Картин не было. Посредине комнаты стояли длинные скамейки и такие же длинные столы. На стене висели две чёрные доски. Тут же на полочке лежал мелок. В углу стоял шкап с какими-то книгами, бумагами и грифельными досками.

— Ну, вот здесь будет наша школа, все будем учиться. А если будет тесно, мы займём и здесь,— указал он на первую комнату.

— Я думаю, вы ещё не все собрались, некоторые остались.— И он обвёл нас всех глазами, и вопросительный взгляд его остановился с улыбкой на мне.

Я растерялся, и мы никто ничего не отвечали.

Не добиваясь от нас ответа, видя нашу застенчивость, он взял мелок и сказал:

— Мы сегодня заниматься не будем, а завтра,— и начал писать на чёрной доске буквы А, Б, В, Г, Д, Ж,— вот с завтрашнего дня мы так начнём учиться. А теперь пойдёмте, я вам покажу, где я живу.

Он отворил ещё комнату, взошёл и сел на кресло. Комната была менее тех комнат, где мы будем учиться. Но в ней были диваны, кресло, стулья, столы, бумаги, картины, какая-то «лебасторная» фигура, похожая на человека, висело ружьё, и какая-то плетёная сумочка, и много кое-чего, чего мы отроду не видали.

Всё это меня и нас всех интересовало.

— Вот тут я живу и ночую,— сказал весело наш учитель, улыбаясь на всех мило, как бы стягивая с нас покрывало застенчивости.

Такая безмолвная беседа с нашей стороны, похоже, затрудняла его: как вызвать от нас разговор?

Он начинал спрашивать у нас отдельно то у того, то у другого:

— Козлов, сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— А что ты летом делал?

— Я-то?

— Да.

— Пахал, скородил.

— Это хорошо. Помогал отцу?

— Да, помогал. Он лешил[1], а я запахивал.

---

[1] Лешить — отмечать пучками соломы на пашне полосы для правильного раскидывания семян.

— А ты, Макаров?

— И я пахал.

— А ты?

— И я пахал, скородил, лошадей стерёг.

Все оказались помощниками своих семей.

— Теперь я вас запишу, как звать и фамилии.— Взял перо, бумагу.— Ну, Морозов, Макаров, Козлов, Фоканов, Воробьёв,— и так далее.— Кажется, всех я вас записал, двадцать два человека. Завтра приходите пораньше. Будем учиться. Прощайте. Приходите. Я буду ждать.

Мы вышли из школы, прощаясь с своим дорогим учителем, обещаясь завтра рано приходить. Восторгу нашему не было конца. Мы друг другу рассказывали, будто как из нас кто не был, как он выходил, как спрашивал, как разговаривал, как улыбался.

— А ведь хороший он. А такой дюжой, гладкий и некрасивый. Борода чёрная, как цыганская. А волосы, как у нас, длинные, нос широкий. А как окинул нас глазами. Я сразу испугался. А как начал спрашивать да улыбаться, тут он мне понравился, и я будто перестал бояться.— Так рассказывал Кирюшка, и действительно, так все чувствовали.

— А в нём пудов, пудов, должно, будет,— заключил Макаров.

На другое утро мы как бы по сигналу собрались дружно... потянулись лентой по лестнице и взошли в знакомую комнату, прошли в другую, где были чёрные доски и где ещё не были смараны вчерашние буквы. Мы свернулись клубочком, тесно стояли около чёрной доски, посматривая на буквы. Тишина была мёртвая, никто не шептался между собой, каждый думал, что бог даст. Вдруг издали звонко, весело раздалось: «А, Б, В, Д». И частые шаги послышались по первой комнате. И к нам взошёл вчерашний знакомый, наш учитель, дюжой, чёрный.

— Здравствуйте. Все пришли?

— Все,— робкими голосами отвечали на вопрос его каждый за себя...

— Ну, теперь будем заниматься, начнём учиться.— Он взял мелок и написал все остальные буквы.

— Ну, теперь говорите за мной.— Затем взял палочку, которая служила указкой, и воткнул указкой в первую букву.— Ну, говорите за мной: а, бе, ве.

Переводя указку на другие буквы: ге, де, же, сделал запятую, поворачивая опять к первой букве.

— Это а, бе...— и так далее до отметки.

Мы тянули нараспев за ним, поначалу потиху, без голосу, но дальше усвоили голоса, громче и громче твердили за ним.

Каждому хотелось, чтобы и его голос был слышен, и мы до того распелись, что потеряли всё приличие,— сперва боялись даже взглянуть на Льва Николаевича, а то так разошлись, что его стеснили, и несколько рук держались за его блузу.

— Вот и прекрасно. Кто может повторить? Я буду спрашивать,— сказал Лев Николаевич, тыкая в первую букву указкой.— Это что?

У нас вышло замешательство, хотя знали и запомнили первую букву, но что-то оторвалось, будто боялись своего голоса.

— Вы забыли? Кто скажет из вас, кто помнит? — И свой взгляд он перевёл на доску. Он понял нас, что взглядом мешает нашему ответу.

В этот момент я пропищал как бы не своим голосом, а будто чьим-то чужим, скороговоркой:

— А.

За мною дружно потянули все.

— Так, хорошо. Дальше. Это что?

Опять заминка. Я опять тявкнул, но неправильно:

— Би.

За мною послышались голоса:

— Бе.

Я, как выдачка изо всех, за ошибку свою почувствовал стыд. От зоркого глаза мой стыд не ускользнул. И вот мне уже представилось наказание.

— Так, так, это хорошо. Кто сказал первый? — полусерьёзно, с милой улыбкой смотря на меня, спрашивал Лев Николаевич.

Я не отвечал, робел. Кто-то из толпы выдал меня, кажись Кирюшка.

— Это Морозкин ошибся.

— Морозов, ты как сказал? Прекрасно, хорошо. Ну, а за буквой «б» как называется?

Опять столбняк. Все молчали. Буква казалась мудрёной.

— Ну, кто скажет? Морозов, ты помнишь?

Я молчал, боясь промаху.

— Ну, кто?

Все смотрели на букву молчком, никто не отвечал, все забыли.

— А кто знает, чем воду таскают из колодца?

— Ведром,— сказал Игнатка.

— А буква какая?

У нас будто на язык память пала. Мы дружно ответили:

— Ве-э! — и так дальше мы твердили.

Если нам не удавалось, он намекал на какой-нибудь предмет, например: железо, мы отвечали «ж»...

Прошла в учении неделя, за ней другая, скользнул месяц. Незаметно кончилась осень. Наступила зима. Мы успели ознакомиться хорошо со стенами школы, успели привыкнуть душою ко Льву Николаевичу...

Не прошло и трёх месяцев, а ученье у нас разгорелось вовсю, в три месяца мы уже бойко читали.

Во время перерыва нам давался час на завтрак. Тут игры и веселье, затеи, шум, крик, беготня, выходим из дома, друг друга валим в снег, перекидываясь комками снега.

— Ну, все на меня валяйте. Свалите или нет? — говорит Лев Николаевич.

И мы окружаем Льва Николаевича, цепляемся за него сзади и спереди, подставляя ему ноги, кидаем-

ся в него снежками, набрасываемся на него и вскарабкиваемся ему на спину, усердно стараясь его повалить. Но он ещё усердней нас и, как сильный вол, возит нас на себе. Через некоторое время от усталости, но чаще в шутку, он валится в снег. Восторг неописанный наш. Мы сейчас же начинаем его засыпать снегом и кучей наваливаемся на него, крича:

— Мала куча, мала куча.

Так часы проходили у нас минутами. Часто бывало, когда мы его схватываем, стараемся валить, он скажет:

— Погодите,— и сам ляжет ниц.— Ну, бейте меня по спине кулаками.

Мы в несколько кулаков начинаем его бить, и он только выкрикивает:

— Вот хорошо! Вот хорошо! Вот ещё здесь! Ещё здесь! А тут ещё. Ниже, повыше.

И мы со смехом всё сильнее и сильнее бьём его кулаками.

Потом он встаёт и говорит:

— Довольно. Вот хорошо! Вот так хорошо!

Но одна игра ведь не потеха. Лев Николаевич переменяет нам другую игру.

— Вы знаете что? — говорит нам Лев Николаевич.

— Что, Лев Николаевич? — спрашиваем мы, ожидая от него какой-нибудь весёлой выдумки.

— Пойдёмте кататься на гору...

— А на чём кататься? Ведь салазок-то нет.

— Пойдёмте. Мы разживёмся.

И мы направляемся всем ополчением к сараю.

— Вот и салазки, берите.

И указывает на сани.

— У, какие! Разве мы их довезём?

— А народу-то мало? Ну-те, берите дружно, тащите.— Сам взялся за головки[1].— Разом! Дружней! Раз!

---

[1] Голо́вки — передняя часть саней.

И потянул на себя. Мы ухватываемся за кресла, за оглобли и облепляем сани, как кучка муравейника. Он связывает оглобли, влезает в середину оглобель и вместо коренника подъёмисто везёт сани через двор к горе. Смех у нас неудержимый. Мы на ходу садимся на сани, а он всё везёт, влегая сильнее, словно в хомут.

Притащили сани к горе. Гора крутая, Лев Николаевич связал оглобли потуже, поднял повыше.

— Ну, валитесь! Мала куча!

И мы навалились друг на друга. Сани направили, толканули с крутой вершины, и помчались стрелой.

На раскатах и ухабах мы сыплемся, как картошка, барахтаясь в снегу. Лев Николаевич стоит на вершине и в довольстве смеётся...

В школе у нас было весело, занимались с охотой. Но ещё с большей охотой, нежели мы, занимался с нами Лев Николаевич. Так усердно занимался, что нередко оставался без завтрака. В школе вид он принимал серьёзный. Требовал от нас чистоты, бережливости к учебным вещам и правдивости. Не любил, если кто из учеников допускал какие-нибудь глупые шалости.

Порядок у нас был образцовый за все три года.

Когда же, бывало, на ученика нападал столбняк, он либо смущался или из упрямства не хотел отвечать, то Лев Николаевич просил ученика прыгать. Если ученик не хочет прыгать, Лев Николаевич его уговаривает:

— Да прыгай же, прыгай!

Либо сам берёт ученика под руки и начинает с ним прыгать до тех пор, покуда не расхохочутся все и сам ученик, либо кому из нас велит прыгать с этим учеником.

Мы подхватим его и начинаем прыгать, как толкачи. Все расхохочутся, и столбняк с ученика спадёт...

В таких радостях и весельях и скорых успехах в учении мы так сблизились со Львом Николаеви-

чем, как вар с дратвой. Мы страдали без Льва Николаевича, а Лев Николаевич без нас. Мы были неотлучны от Льва Николаевича, и нас разделяла только одна глубокая ночь.

Школа наша росла и росла, крепла и крепла. В учении было легко, в играх весело. Всё залегало в память, и мы отвечали на вопрос охотно.

Лев Николаевич находился с нами почти безотлучно. В особенности он более привязался к первоклассникам, то есть лучшим ученикам. Занятие было серьёзное. Он как бы доставал что-то глубокое в душе ученика.

Не раз мы запаздывали с учением. Второй и третий класс бывали уже распущены по домам, а мы оставались вечереть, так как любил Лев Николаевич по вечерам читать с нами книги. И когда поздно засиживались до полуночи в чтениях, рассказах и шутках, в дурную ненастную погоду, Лев Николаевич развозил нас на своих лошадях по домам...

В 1863 году школа наша закрылась. И ничего в жизни не было мне так трудно, как расставаться с Яснополянской школой и нашим учителем Львом Николаевичем...

А. Сергеенко

ДЕТИ ТУЛЬСКИХ РАБОЧИХ В ГОСТЯХ У Л. Н. ТОЛСТОГО

Лев Николаевич Толстой жил в сельской местности Ясная Поляна в 18 километрах от города Тулы. В Туле было много фабрик, заводов и большое рабочее население. Дети тульских рабочих с самых малых лет слышали про «дедушку Толстого»: про то, что он раньше был очень богатый, владел землями, а потом от всего богатства отказался и сделался вроде крестьянина — просто одевался, пахал, косил. Слышали они и про то, что он трудовой народ защищает и что он очень добрый ко всем и ласковый. В школе дети тульских рабочих русскому языку по его книжкам учились, рассказы его зани-

мательные читали. Известно было им, что живёт Толстой совсем близко от них, за день можно к нему пешком сходить. Многим детям давно хотелось посмотреть, какой же он, этот «дедушка Толстой». Вот 26 июня 1907 года и отправились к нему в гости, со своими школьными учителями, дети тульских рабочих, 900 человек.

Сначала проехали 15 километров по железной дороге до станции Козловка-Засека. А от неё надо 3 километра пешком идти. Разделились на группы по пятьдесят человек. У каждого мальчика и у каждой девочки на руке повязка. У всех в группе повязки одного цвета. Такого же цвета в каждой группе флаг. Группы и назывались: зелёная, синяя, жёлтая, лиловая, серая и т. д.

Сначала от станции шли лесом, потом полем. Шли весело, с песнями. Радостно было после тесного пыльного города оказаться на вольном воздухе, на просторе, среди природы. Так что хоть и сильная в этот день с самого утра жара стояла, но не заметили, как 3 километра прошли. Вот дошли до пригорка. На нём высокий старинный парк вроде леса. Это и есть Ясная Поляна, здесь-то и живёт дедушка Толстой. Прошли две круглые каменные башенки, пошли по длинной берёзовой аллее. Остановились перед большим двухэтажным домом у террасы. Стали ожидать выхода Толстого. Всем хотелось поскорее его увидеть. Лев Николаевич появился на террасе. Подошёл к перилам, старенький, с большой бородой, одет просто, в белой рубахе, ремешком подпоясан. Держится прямо, смотрит бодро, улыбается, головою кивает во все стороны, приговаривает:

— Здравствуйте, здравствуйте! Спасибо, что пришли!

С первого же взгляда понравился, показался близким, давно знакомым. Все закричали:

— Здравствуйте, Лев Николаевич! Здравствуй, дедушка! Ура!

Он сошёл по ступенькам на землю, приблизился к детям:

— Здравствуйте, здравствуйте, дети! Спасибо, что пришли, спасибо!

Голос ласковый, улыбка добрая, глаза весёлые.

— Здравствуй, здравствуй, дедушка! Здравствуй, Лев Николаевич!

— Что же, вы все из Тулы?

— Из Тулы, все из Тулы.

— А раньше в деревне бывали?

— Нет, никогда не бывали. Первый раз.

— А не уморились от станции по жаре идти?

— Нет, дедушка, не уморились, нисколько не уморились.

Он расхаживал между детьми, некоторым ласково клал руку на голову, а к самым маленьким нагибался, заговаривал с ними.

У одного мальчика спросил:

— А что же это у тебя щека подвязана?

— А у меня зубы болят.

— Зачем же ты с больными зубами пришёл?

— Очень вас, дедушка, повидать хотелось. Я книжки ваши читывал. Про Жилина и Костылина такая интересная, самая моя книжка любимая.

Он всем улыбался, и дети тоже улыбались. И улыбка сближала их друг с другом.

Пока он расхаживал среди детей, за ним по пятам следовала одна девочка, девятилетняя Катенька Гоголева, ни на шаг от него не отступала, всё что-то сказать ему хотела, да боялась. Когда же он один раз обернулся к ней и взглянул на неё, она осмелела и тоненьким голоском спросила:

— Лев Николаевич, а скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

— Семьдесят девять, — ответил он.

Катенька с удивлением воскликнула:

— Семьдесят девять? Как семьдесят девять? А я думала девяносто семь!

Толстой и все дети рассмеялись. Он сказал:

— Это ты, милая, перепутала. Цифру девять поставила на место семи, а цифру семь на место девяти.

Все засмеялись ещё больше, но Катенька не смеялась, она не спускала глаз с «дедушки» и внимательно, серьёзно его рассматривала, потом сказала:

— А я, Лев Николаевич, вас видела на картине. Там вы моложе и лучше.

— Ну конечно, лучше. Конечно, лучше,— весело проговорил Толстой.

Вдруг раздался визг. Все взглянули в ту сторону. Что же оказалось? На углах дома, под желобами, стояли кадки, полные воды. Несколько мальчиков стали обрызгивать ею друг друга. Вот и визжали от удовольствия. До чего же приятно было освежиться в жару!

Тогда Лев Николаевич крикнул:

— А хотите, пойдём купаться?

— Хотим, Лев Николаевич, хотим, дедушка. Ребята, купаться. Айда купаться! Купаться!

Сотни мальчиков окружили Толстого, и он повёл их на реку Воронку. Нелегко ему было в его семьдесят девять лет идти более двух километров по жаре, но он не посчитался с этим: уж очень ему хотелось ребятам удовольствие доставить. И лет ему много было, и знойная жара томила, а шёл он бодрой, быстрой походкой, выпрямился, грудь выставил вперёд. Ну, прямо богатырь! Шёл так скоро, что некоторые мальчики даже еле поспевали за ним.

Прошли яблоневый сад. Вышли на полянку. Солнце жгло невыносимо. Лев Николаевич вдруг остановился и вынул из кармана какой-то беленький узелочек. Помял его, ткнул в него пальцем, и что же из узелка получилось? Большая-пребольшая шляпа с широченными полями. Её Льву Николаевичу с Кавказа прислали. Очень она хорошо лицо от солнца защищала; из белого полотна сделана, на проволочный пружинистый каркас натянута.

А ребятам показалось, что это Лев Николаевич

с ней фокус сделал, и они с любопытством на шляпу глядели. Лев Николаевич был доволен, что потешил их шляпой, и весело улыбался.

— Дедушка, Лев Николаевич, а ну-ка проделай ещё!.. Ну и шляпа! — кричали они.

Лев Николаевич снял шляпу, сжал её в комочек, положил в карман, снова вынул, нажал, и комочек вдруг опять развернулся, и снова получилась большая шляпа с широкими полями.

Мальчики не могли нарадоваться.

— Дедушка, дедушка, а ну ещё проделай. А ну ещё разок.

Все хотели видеть фокус. И Лев Николаевич без устали повторял его.

Когда все насмотрелись, Лев Николаевич надел шляпу и зашагал дальше. Дошли до берёзовой рощи, потом через берёзовую рощу вышли на лужайку, в конце которой росли две высокие берёзы.

— А кто скорее добежит до тех берёз? — воскликнул Лев Николаевич и похлопал в ладоши.— Раз, два, три!

Несколько десятков мальчиков с визгом и криками бросились вперёд, понеслись, как вихорь, пятки замелькали. Когда добежали до берёз, повернулись к Льву Николаевичу и каждый бил себя в грудь, показывая, что он добежал первый.

— Назад. Назад! — крикнул он.

Мальчики ураганом понеслись обратно.

— Я!.. Я!..— оспаривали они своё первенство, когда добежали до него.

Потом Лев Николаевич предложил поиграть «в чехарду». В нескольких шагах друг от друга становились ребята, пригнувши головы книзу, а другие бежали и перепрыгивали через них. Лев Николаевич наблюдал за ними, смеялся.

— А в борьбу умеете играть? — спросил он, и несколько человек сразу сцепились друг с другом.

— Э, не так! Вот как! — проговорил Лев Нико-

лаевич и, обхватив обеими руками одного подростка, показал, как надо валить его.

Тот сопротивлялся и тоже старался Льва Николаевича повалить. Но это не удалось. Лев Николаевич освободился от него. Мальчики стали бороться, как им Лев Николаевич показал. Другие стояли рядом со Львом Николаевичем и наблюдали.

Раздавались возгласы:

— Колька, Колька, держись, держись! Понатужься! Не сдавайся! Ну-ка его! Ну-ка его! Ай да Игнатка, сам с ноготок, а какого здоровенного сковырнул!

Ход борьбы увлекал и Льва Николаевича.

Он восклицал:

— Вот силач так силач. Увернулся всё-таки. Только не подставляйте ножку. Так нельзя.

Если борцы падали особенно неуклюже, Лев Николаевич от всей души смеялся.

— Ну, идёмте дальше! — сказал он, когда борьба надоела.

Все тронулись вперёд.

Так весело шли до речки Воронки более часу. Как только прерывалась игра, Лев Николаевич начинал разговаривать с ребятами, расспрашивать об их жизни или что-нибудь рассказывать.

Наконец засверкала среди лугов узкая извилистая речка. Сначала учителя предполагали устроить купание организованно: разделить мальчиков на группы и пускать их в воду по очереди. Где там! Никакая сила не могла сейчас сдержать их. От жары они изнемогали, были красные, потные. И поэтому, едва завидев реку, они с криками: «Купаться, купаться!» — бросились к ней.

Но учителя всё же не разрешили старшим войти в купальню. Купальня, сделанная из ивовых прутьев, стояла на столбах и похожа была на огромную плетёную корзину. Учителя пускали в неё только самых маленьких, для которых река была слишком глубока.

Вся река кишела голышами. Что тут только было! И кувырканье, и ныряние, и плавание на разные лады. Тульские ребята были отличными пловцами, так как через Тулу протекали две больших реки: Упа и Тулица, а в окрестностях города было ещё несколько речушек, так что тульские мальчуганы уже с малых лет умели хорошо плавать. Сейчас они старались показать Льву Николаевичу своё искусство, всем хотелось хвастануть перед ним: плавали на боку, на животе, кто по-лягушачьи, кто сажёнками, кто болтал руками и ногами под водою, а кто закидывал руки наверх, шумно шлёпал ими по воде, взбивал брызги, пену. Лев Николаевич стоял на берегу и любовался ими. Многие мальчики были ловкие, гибкие, сильные, и Лев Николаевич говорил учителям:

— Как красивы простые русские дети! Как красивы!

Наглядевшись на старших мальчиков, Лев Николаевич пошёл к купальне — посмотреть, что делалось там. В купальне возни было ещё больше, чем на реке. Малыши вскарабкивались друг другу на спину, барахтались, плясали обнявшись, пищали, визжали, хохотали. Лев Николаевич полюбовался ими, но, когда заметил, что некоторые из них, окунувшись, старались подольше не показываться из воды, он забеспокоился и сказал учителю:

— Боюсь, как бы не случилось несчастья. Нельзя позволять им так долго находиться под водою, они могут захлебнуться. Следите повнимательнее.

Учитель обещал, а Лев Николаевич пошёл обратно на берег к старшим мальчикам. А на реке мальчики придумали ныряние до самого дна.

В деревне часто дети тонут от такого ныряния. Лев Николаевич это знал, потому и волновался. Он уже не улыбался, а сделался серьёзный, сдвинул свои большие, седые брови, насупился и сказал учителю:

— Тревожит меня их ныряние, уж очень долго

они остаются под водою. Прошу вас, скажите им, что так нельзя!

Лев Николаевич очень беспокоился и опять пошёл к купальне посмотреть, что там делается. Когда же узнал, что там всё благополучно, снова отправился на берег. Так несколько раз и ходил взад-вперёд. Один раз возле купальни прыгали малыши. Они сказали, что озябли в воде и вышли погреться на солнышко.

— А хочешь, я тебе фокус покажу? — спросил Лев Николаевич у одного из них.

— Хочу, дедушка, покажи!

— Ну, стань вот так. Наклонись, — сказал Лев Николаевич.

Он поставил мальчика лицом к себе, пригнул его голову вниз, велел широко расставить ноги, а руки просунуть между ними, под спину. Потом схватил мальчика за руки, вскинул его кверху, и мальчик вдруг, перевернувшись в воздухе, стал на ноги спиною ко Льву Николаевичу.

Ребята закричали:

— И меня! И меня! Вот чудно́-то! Вот славно-то!

Всем малышам доставил Лев Николаевич это удовольствие. Сильный же он был, если мог подряд поднять нескольких мальчиков, в каждом из которых весу было, пожалуй, больше пуда.

Когда все ребята вылезли на берег, он опять предложил игру: лечь на землю и бороться ногами, одними ногами, а руки в ход не пускать. Мальчики повалились на траву, и началась очень смешная борьба. Все смеялись, но пуще всех смеялся Лев Николаевич.

Но вот раздалась команда:

— Одеваться! Одеваться!

Мальчики натягивали на себя штанишки, рубашонки. Но сразу было трудно найти одежду, которую бросали куда попало. Труднее же всего было разыскать цветные повязки, которые при спешном,

нетерпеливом раздевании разлетелись в разные стороны.

Ребята кричали:

— Мне оранжевую. Оранжевую. У кого оранжевая? Мне синюю. Где жёлтые?

Учителя тоже разыскивали повязки. И Лев Николаевич с ними. До чего он был доволен, когда ему попадалась нужная повязка!

Он выкрикивал:

— Кому лиловая? А кому белая? Голубая, голубая! Кому голубая?

Мальчикам себе неудобно было приладить повязку. Они обращались за помощью друг к другу и к учителям, а некоторые ко Льву Николаевичу. Он старательно накладывал повязки и делал это так весело, что большинству захотелось, чтобы именно он прилаживал повязки. К нему даже установилась длинная очередь.

Наконец все отправились в обратный путь. Вошли в лес и запели:

...Ты, кукушечка, скажи,
Нам всю правду расскажи,
Сколько раз ещё весной
Повстречаемся с тобой?

В лесу вдруг показались две лошади. На одной сидел человек, а на другой никого не было, и она шла за первой лошадью в поводу. Человек, который сидел на лошади, был конюх, рабочий, он привёл свободную лошадь Льву Николаевичу; дома решили, что Лев Николаевич, должно быть, очень устал от долгой ходьбы, они и прислали ему лошадь. Когда лошади приблизились, Лев Николаевич подошёл к той, которая была приведена для него. Она была горячая, пугливая, косила большими глазами и не хотела подпускать к себе никого, беспокойно перебирала и стучала ногами.

Казалось, Льву Николаевичу не справиться с нею, она опрокинет его. Но Лев Николаевич

быстро вплотную подошёл к лошади, и она ещё не успела отскочить от него, как он уже вложил ногу в стремя и мгновенно очутился в седле. Лошадь зафыркала, взвилась, завертелась, метнулась в одну и в другую сторону, но он натянул поводья, лошадь утихла и покорно пошла вперёд. Толстой привык с детства к лошадям. Ездок он был замечательный.

Мальчики были в восторге:

— Ай да дедушка! Как взлетел-то. Вот орёл!

Лев Николаевич уехал, а мальчики с учителями пошли дальше, к усадьбе.

После мальчиков на речку отправились девочки. А мальчики стали завтракать и пить чай возле дома, в парке. Столов и стульев на всех не хватило бы. Все и разместились на траве под высокими липами.

Было два часа дня. Дети с утра ещё ничего не ели. Они порядком проголодались. Сразу поставили семь самоваров. Хлеба, булок, баранок, яиц и разной другой припасённой учителями еды съедено было целые горы. Хорошо было поесть под деревьями на траве! В Туле ведь никогда такого удовольствия не получишь. Лев Николаевич ходил между ребятами и всё не мог нарадоваться на них.

Вдруг небо потемнело, загрохотал гром. Можно было ожидать большого дождя. Надо было укрыть от него детей. Забеспокоился Лев Николаевич. Стал быстро сдвигать на балконе столы, стулья, чтобы освободить место для ребят. Ему помогали учителя, но всех усерднее был он сам. Впопыхах он даже не заметил лампы, висевшей на балконе, и стукнулся об неё головою. Он лишь потёр лоб рукой и продолжал переставлять столы и стулья. Каждая минута была дорога. Вот-вот хлынет дождь. Но гроза была непродолжительная. Отшумел гром, прошёл дождь, и сразу стало тихо, опять засветило яркое солнце и возобновилось чаепитие. Потом мальчики стали бегать по дорожкам и аллеям парка. Не-

которые пошли к турнику, который находился недалеко от дома.

Лев Николаевич тоже пришёл туда. Никто из мальчиков не умел делать гимнастических упражнений. Большинство из них даже турника никогда не видели. Лев Николаевич и решил показать им некоторые упражнения. Он раньше много занимался гимнастикой, а когда у него школа была, то он и своих учеников к гимнастике приучал. Он говорил, что от гимнастики тело крепнет, человек здоровее становится.

Лев Николаевич подошёл к турнику, ухватился за кольца, подтянулся, поднял ноги кверху, выше головы, покачался в таком виде, головою вниз, раза три, потом опустил ноги и спрыгнул на землю.

Ребята глядели на него во все глаза. Потом Лев Николаевич полез по шесту, перехватывая его руками, добрался до середины шеста и живо съехал по шесту вниз.

Мальчики всё не могли на него надивиться и уже совсем обомлели, когда он взобрался на трапецию, покружился на ней раза три колесом и спустился на землю, красный, возбуждённый, тяжело дыша, но улыбаясь — должно быть, и он остался доволен. Мальчики пытались на турнике проделать то же самое, но у них ничего не получалось, и впоследствии они говорили:

— Ох и дедушка! Ну и дедушка! И ходок какой! И на лошадь как вспрыгнул! И на перекладине как вертелся! Бедовый дедушка, шустрый, ловкий! Куда нам до него! Нам за ним не угнаться!

После этого на площадке перед домом начались игры. Лев Николаевич со своими домашними и гостями стоял на балконе и наблюдал.

Первая игра была «Метелица».

Дети, мальчики и девочки, стали в круг и начали размахивать руками и качаться в разные стороны: это означало метель; они пели:

Вдоль по улице метелица метёт,
Скоро все она дорожки заметёт.
Ай, жги, ай, жги, говори.
Скоро все она дорожки заметёт.

Потом дети стали делать руками быстрые движения, как будто что-то надевали, как будто что-то пристёгивали.

Запряжём мы в сани лошадей,
В лес поедем за дровами поскорей.
Ай, жги, ай, жги, говори.
В лес поедем за дровами поскорей!

Дети стали вприпрыжку бегать всё скорее и скорее.

Рысью друг за другом поспешим
И скорёхонько до леса докатим.
Ай, жги, ай, жги, говори.
И скорёхонько до леса докатим.

Внезапно остановились, пошли медленнее — это приехали в лес.

Топорами мы ударим дружно враз,
Только щепочки по лесу полетят.

Руками дети показывали, что происходила рубка леса, валились деревья, обрубались сучья. В конце концов все устали от работы.

А из леса мы тихонечко пойдём
И в ладоши так пришлёпывать начнём.
А ногами-то притопывать все враз.
Ну, теперь мороз не страшен-то для нас.

Затем была пляска, она называлась «Русский мужик». Мальчики стояли на одной стороне, а девочки на другой.

Мальчики пели:

Русский я мужик простой,
Вырос на морозе,
Летом в поле за сохой,
А зимой в извозе.

Я за реченькой бывал,
С красным я товаром,
Ни копеечки не брал
Ни с кого я даром.

Девочки не двигались с места и молчали. Плясали только мальчики. И чего они только не выделывали ногами! Семенили на месте, притоптывали, выкидывали ноги вперёд и назад и в стороны, приседали, свистели, покрикивали: «Эх-эх! Эх, пошла!» И Лев Николаевич снова налюбоваться на них не мог, всё улыбался и улыбался.

Мальчики, красные, довольные, отошли в сторону, а на площадку выступили девочки и запели:

Лето в поле жну, кошу,
А зимой свободна.
И спою я и спляшу,
Если вам угодно.

Девочки не выказывали, как мальчики, ловкости, ухарства, не старались придумывать что-нибудь похитрее, посмешнее, а двигались чинно, степенно, словно уточки плыли по воде. Одни из них легонько перебирали ногами, держа правые руки вверх с платочками, другие тихо кружились, третьи выставляли вперёд то правое плечико, то левое. Пели девочки тихо, протяжно, нежно, робко. Лев Николаевич любовался ими, их красивыми движениями, их спокойствием.

Игры продолжались около часу. Когда окончились, Лев Николаевич вышел к детям на площадку, ходил среди них и разговаривал:

— Ну спасибо, что попели, поплясали, спасибо. Хорошо ты пляшешь. Кто же тебя так научил?

— А я сам научился.

— Хорошо, хорошо! И ты ловко коленца выкидываешь.

Потом Лев Николаевич пошёл в дом, чтобы отобрать книжки. Один мальчик просил его подарить ему его сочинения. И Лев Николаевич решил всем

детям раздать книжечки со своими рассказами. У него был запас таких книжечек. Он думал, что их хватит на всех 900 детей. Но оказалось, книжек осталось только 200 штук. Он вышел из дома и сказал мальчикам, что, к сожалению, не может подарить книжки, потому что всем не досталось бы, а если подарить только некоторым, то другие огорчатся. А ему никого не хочется обижать.

Раздалась команда учителя:

— Собираться домой! Стать парами! Все к своим флагам! Зелёный флаг вперёд!

Дети засуетились, забегали, начали искать свои группы.

Лев Николаевич просил отобрать самых маленьких детей и поставить их в сторону. Он сказал, что их отвезут до станции на телеге, так как они за целый день ходьбы очень уморились. Малыши действительно очень устали, и Лев Николаевич разглядел их среди остальных детей. У него была необычайная наблюдательность, ничто не ускользало от его зоркого глаза.

Малыши были в восторге, что их повезут. Приехала большая телега, запряжённая лошадью. Малыши вскарабкались на телегу, отъехали от дома и кричали Льву Николаевичу:

— Прощай, дедушка! Спасибо, спасибо. Милый ты наш дедушка!

Он стоял на балконе, улыбался им и кивал головою.

Остальные дети выстроились в шеренги пара за парой, и, когда проходили мимо балкона, где стоял Лев Николаевич, раздавались крики:

— Ура! Ура! До свидания, Лев Николаевич! Прощай, дедушка! Спасибо, спасибо! Будь здоров, дедушка дорогой! До свидания, милый Лев Николаевич! Никогда тебя не забудем, не забудем никогда. Ура-а! Ура-а! Ура-а!

Дети кричали изо всей мочи, от всего сердца, от всей души. Каждому хотелось, чтобы Лев Никола-

евич его услышал. Лица у всех сияли. Дети размахивали руками, платками, мальчики кидали в воздух свои картузы.

Пока дети шли, Лев Николаевич всё время стоял на балконе с заложенными за пояс руками, кивал головою, улыбался, приговаривал:

— Прощайте! Прощайте! Спасибо!

Последняя группа скрылась за деревьями.

Вдруг на весь парк ещё раз звонко раздалось:

— Ура! Прощай, дедушка! Спасибо. Никогда не забудем тебя!

Дети действительно на всю жизнь запомнили Льва Николаевича. Прошло много-много лет, дети выросли, но все вспоминали «дедушку». Маша Гуреева, которой было тогда десять лет, став взрослой, рассказывала нам: «До чего же мы все полюбили его в тот день! Как не хотелось с ним расставаться! Прямо никогда бы от него не ушли. Прощались с ним, ну, как с самым дорогим, родным человеком». А Верочка Гусева вспоминала: «Он показался нам каким-то особенным, не таким, как все люди, такой ласковый, весёлый, добрый... И казалось нам, что он каждого из нас как-то очень полюбил. Оттого мы все так и старались выразить ему свой восторг, когда уходили из Ясной Поляны».

А. Сергеенко

КАК Л. Н. ТОЛСТОЙ РАССКАЗЫВАЛ СКАЗКУ ОБ ОГУРЦАХ

Лев Николаевич Толстой всю свою жизнь очень любил детей: и самых маленьких, и более старших, всегда проводил с ними много времени: зимою катался на коньках или на санках с гор, ходил на лыжах, а летом гулял по полям, лесам, собирал с ними цветы, ягоды, грибы. И всегда он им что-нибудь рассказывал. И чего только не рассказывал! И про себя, какой маленький был, и как в молодости на Кавказе жил, и про своих родителей и знакомых, и всевозможные истории, и басни, и сказки. И дети могли слушать его сколько угодно; слушали бы и слушали, потому что уж очень он интересно, занятно про всё рассказывал.

Любили дети одну его особенную сказку — об огурцах.

Он рассказывал её и тогда, когда был молодым,

и стариком. В последний раз — когда ему шёл восемьдесят второй год.

Это было 18 сентября 1909 года в сельской местности Крекшино, под Москвою.

Лев Николаевич сидел возле дома на длинной садовой скамье. На нём было тёмное осенее пальто, серая шляпа, в руке он держал палку, с которой только что пришёл с прогулки. Рядом с ним сидели его внуки, брат и сестра: Сонечка девяти лет и Илюшок семи лет. Он взглянул на них и бодрым, звучным голосом спросил:

— А хотите, я вам сказку расскажу?

— Хотим, дедушка, хотим! Расскажи, дедушка, расскажи!

— Ну хорошо, расскажу! Слушайте! Только внимательно слушайте!

Он сделал серьёзное лицо, немного приподнял голову, посмотрел в сторону, как будто собирался с мыслями. Сонечка и Илюшок насторожились.

— Сказка про одного мальчика и семь огурцов,— объявил Лев Николаевич.

Сонечка и Илюшок затаили дыхание.

Лев Николаевич перевёл глаза на них и уже до самого конца сказки всё время смотрел на внуков.

— Жил-был на свете один мальчик...— начал он и замолк.— И пошёл раз этот мальчик в огород...— Опять Лев Николаевич умолк.

Глаза у Сонечки и Илюшка всё больше и больше разгорались от любопытства.

— Пошёл раз этот мальчик в огород и увидел — лежит... лежит маленький огурчик, ма-а-аленький! — проговорил Лев Николаевич тонким, тихим голосом и пригнулся к Илюшку, вплотную около него сидевшему. Своим сгорбленным видом он хотел показать, какой огурчик был маленький.

До чего же Лев Николаевич удивлялся, что огурчик такой маленький! Он даже широко раскрыл

глаза, приподнял брови, а между указательными пальцами обеих рук показал расстояние сантиметра в четыре и, всё удивляясь, проговорил:

— Вот такой!

Сонечка и Илюшок наклонились над его пальцами, как будто в самом деле между ними увидели огурчик.

Лев Николаевич продолжал:

— Нагнулся мальчик... сорвал огурчик...— Лев Николаевич поднял к своему лицу правую руку, точно в самом деле с огурцом.— Посмотрел мальчик...— Лев Николаевич повернул руку в одну, в другую сторону и чмокнул губами.— Огурчик хорошенький-хорошенький, зелёненький-зелёненький, све-е-женький!

Лев Николаевич приблизил руку ко рту, слегка приоткрыл губы, сказал: «Хап!» — и как будто сунул огурчик в рот; затем закрыл рот и, сжав губы, сидел не двигаясь.

— И всё? — с огорчением спросил Илюшок.

— Молчи! Слушай! — строго сказала Сонечка.

Лев Николаевич вдруг задвигал ртом и щеками, как будто стал жевать, и послышался удивительный звук: хруст, совершенно такой же хруст, какой бывает, когда едят настоящие огурцы: «хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь!»

— Дедушка, а у тебя во рту ведь взаправдашний огурец! — вскрикнул Илюшок.— Открой, дедушка, рот!

Лев Николаевич встряхнул головой и махнул рукой: нельзя, мол, открыть рта — огурец выпадет.

— Конечно, взаправдашний! — говорил Илюшок.— Только откуда он взялся?

Лев Николаевич перестал жевать, и вдруг послышался звук проглатывания: огурец был съеден.

— Конечно, взаправдашний! Взаправдашний! — повторял Илюшок.

Лев Николаевич проговорил:

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит вто-

рой огурец. Нагнулся мальчик. Сорвал огурец...— Лев Николаевич опустил вниз руку, как бы срывая огурец.— Огурчик красивенький-красивенький, крепенький, с белыми пупырышками! Вот такой! — сказал Лев Николаевич и, раздвинув пальцы сантиметров на девять, пригнулся к Илюшку, чтобы опять всем своим видом показать, какой огурчик был маленький.

Илюшок весело и внимательно следил за пальцами Льва Николаевича. А Сонечка смотрела не на руки, а на лицо дедушки: такое интересное было у дедушки лицо — оно у него прямо всё играло, и ей хотелось только на него смотреть.

Лев Николаевич поднял руку и сиял от восторга.

— Хап! — произнёс он. На этот раз он положил в рот не весь целиком огурец, а как будто откусил только половинку, а вторую половинку держал в руке. Опять начал жевать, и снова послышалось: «хрусь-хрусь!»

— И как же у мальчика аппетитно хрустит! — проговорила Сонечка.

— Так аппетитно, что и мне ужасно захотелось огурцов! Я ведь тоже люблю огурцы! — воскликнул Илюшок.

— Хап! — сказал Лев Николаевич и всунул в рот вторую половинку огурца.

— А хрустит, как взаправдашний. Но нет, не взаправдашний! Я уж так смотрел, так смотрел за дедушкой — не подсунет ли он взаправдашний. Нет, не подсунул,— сказал Илюшок.

Сонечка возмутилась:

— Как тебе не стыдно думать, что дедушка хитрил! Это же дедушке обидно.

Илюшок испуганно взглянул на дедушку, но сейчас же успокоился: дедушка нисколько не обиделся, а продолжал с наслаждением жевать и похрустывать.

Когда второй огурец был съеден, Лев Николаевич сказал:

— Пошёл мальчик дальше, видит...— от удивления Лев Николаевич почти вскрикнул,— лежит третий огурец! Тоже огурец хоть куда! Но этот больше, гора-а-здо больше! Вот такой! — низким голосом проговорил Лев Николаевич и показал пальцами сантиметров двадцать.

Сонечка и Илюшок тоже были крайне удивлены размером огурца.

— Ха-ап! — проговорил Лев Николаевич и опять стал жевать, опять послышался хруст, а потом проглатывание.

Лев Николаевич иногда подносил огурец к носу, нюхал его и облизывал языком губы — до того огурец казался ему вкусным. Один раз Лев Николаевич что-то очень долго жевал: или слишком большой кусок откусил, или очень твердый огурец был.

«Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь!»

— Какое же у мальчика терпение — так долго жевать! — сказала Сонечка.

Наконец и третий огурец был съеден.

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит четвёртый огурец! — с ещё большим удивлением и ещё громче воскликнул Лев Николаевич.— Вот такой! — почти басом протянул он и откинулся спиной назад, как будто сам сделался больше. Пальцами он показал расстояние сантиметров в пятьдесят.— Вот такой!

— О-ох! — произнесла поражённая Сонечка.

— Да, такой! Такой! — уверял Лев Николаевич.

— Нет, дедушка, таких больших огурцов не бывает,— вдруг заявил Илюшок.

— Какой же ты глупый! — сказала Сонечка.— Ведь это же сказка!

Илюшок сконфузился.

— Ах да, сказка,— тихо проговорил он.

Лев Николаевич продолжал держать пальцы на расстоянии сантиметров пятидесяти и смотрел на Сонечку и Илюшка. Он был радостен и необыкновенно доволен, что нашёлся такой большой огурец.

Каково: в пятьдесят сантиметров! Вот это огурец!

— А очень толстый был четвёртый огурец? — спросил Илюшок.

— Толстый! Такой толстый!

— Ну, какой толстый?

— Да вот такой! — Лев Николаевич сделал большим и указательным пальцами правой руки полукруг сантиметров семь шириной.

Илюшок покачал головой.

— Ну и толстый же! Я бы таких толстых не брал, потому что не съел бы: у меня сил бы не хватило, — проговорил Илюшок.

— А мальчик съест. Он сколько угодно съест.

— Ну и мальчик! — сказал Илюшок.

— Ха-ап! — воскликнул Лев Николаевич и начал откусывать и жевать, и пошёл-пошёл хруст.

Невозможно понять, как Лев Николаевич производил этот хруст. То хруст был громче, то тише; звук его был то более высокий, то более низкий. Много же, должно быть, Лев Николаевич когда-то упражнялся, чтобы научиться этому хрусту и забавлять им детей!

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит пятый огурец! — пробасил Лев Николаевич, в этот раз как будто даже не веря собственным глазам.

— А пятый ещё больше? — с беспокойством спросил Илюшок.

— Конечно, больше. Ну конечно, больше! — с восторгом проговорил Лев Николаевич.

— Ну какой? — спросил Илюшок.

— Да вот такой! — И Лев Николаевич раздвинул вытянутые пальцы сантиметров на восемьдесят.

— Да, больше. На большой кусок больше, — сказал Илюшок.

Лев Николаевич широко раскрыл рот и рванул рукой, как будто откусил огромный кусок огурца, и опять начал жевать. Но с пятым огурцом мальчик справился скорее, чем с другими огурцами, потому что откусывал очень большие куски, а жевал мало.

Раза два-три пожуёт — и готово дело: проглатывал.

Пятый огурец был съеден.

— Пошёл мальчик дальше, видит — лежит... лежит...

— Шестой огурец, — низким голосом, в подражание дедушке, подсказал Илюшок.

— Верно, шестой огурец.

— Что же, этот, шестой, ещё больше? — спросил Илюшок.

— А как ты думаешь?

— Наверно, больше, — с некоторым сомнением ответил Илюшок.

— Ну конечно, больше! Конечно, больше! Больше!

— Ну, а какой? — с недоверием спросил Илюшок.

— Да вот такой! — проговорил Лев Николаевич и расставил указательные пальцы на метр один от другого.

— Дедушка, но ведь таких огурцов... — начал было Илюшок.

Сонечка рассмеялась и прервала его:

— Опять «таких огурцов»! Пойми же, это сказка. Вот дурачок!

Илюшок до того смутился, что даже весь съёжился и виновато посмотрел на Сонечку и Льва Николаевича. Должно быть, действительно почувствовал себя «дурачком».

От шестого огурца мальчик откусывал целые кусищи. А жевал мальчик шестой огурец ещё меньше, чем пятый, и моментально от шестого огурца ничего не осталось.

Лев Николаевич замолчал. Лицо у него сделалось серьёзное.

— А седьмой огурец... седьмой... последний, — негромко произнёс он. — Седьмой... — повторил он, как будто даже не зная, что сказать про величину седьмого огурца. — Седьмой... седьмой... был такой большой... такой большой, что, если бы пока-

зать какой, надо бы руки откидывать назад, назад...

Сонечка и Илюшок с нетерпением смотрели на руки Льва Николаевича в ожидании, что они и начнут откидываться назад. А руки не двигались. Правая лежала на палке, а левую руку Лев Николаевич сжал в кулак. Он молчал и, улыбаясь, глядел на Сонечку и Илюшка. А они все смотрели на его руки. Теперь и Сонечка смотрела на руки, а не на лицо дедушки: ведь страшно интересно было узнать, какой же величины был седьмой огурец. Сонечка и Илюшок, видно, сами старались вообразить себе, какой он мог быть.

Илюшок спросил:

— А может быть, седьмой был такой же, как мальчик?

— Да, почти такой.

— И такой же толстый?

— А почему тебе кажется, что мальчик был толстый?

— Ну как же не толстый! Так много съел огурцов — конечно, толстый.

— Ну нет, огурец не был такой толстый, как мальчик.

— Но всё-таки очень толстый?

— О-очень толстый! Такой толстый, что в рот не влезал. Только с большим трудом можно было его втолкнуть в рот.

— А мальчик всё-таки съел его?

— Да, съел. Съел! — сам удивляясь, ответил Лев Николаевич.

— Ну и любил же мальчик огурцы! Я тоже люблю огурцы, но всё-таки не так.

— Вот и вся сказка! — вдруг сказал Лев Николаевич.

— Как — вся? А что же с мальчиком получилось? — спросил Илюшок.

— А ничего не получилось, пошёл себе гулять.

— Ну и мальчик же! — сказал Илюшок и покачал головой.

— Да, ужасно смешной. Столько съесть огурцов,— проговорила Сонечка.

— А мне хотелось бы ещё послушать,— сказал Илюшок.

— Что же делать,— сказал Лев Николаевич.— Вся сказка, все огурцы, больше в огороде не осталось.

— Спасибо, дедушка, что рассказал нам,— сказала Сонечка.

— Да, дедушка, спасибо, спасибо! — подхватил Илюшок.— Ну и мальчик же! Ну и огурцы!

Расставшись со Львом Николаевичем, дети побежали в дом сообщить, какую интересную сказку им дедушка рассказал. А потом в течение целого дня всем, кому только могли, об этом говорили и руками показывали, какой сначала был маленький огурец, а потом, какие огурцы были большие, и голосом старались подражать дедушке, и щёки надували, и даже пробовали делать хруст, но только он у них никак не получался, сколько они ни старались.

Почему же эта сказка так нравилась детям?

А потому, что Лев Николаевич очень интересно её рассказывал. И потому ещё, что, когда рассказывал сказку, был весёлый-весёлый, улыбался, смеялся. И детям от этого тоже становилось весело.

Значит, хоть и пустячная, может быть, сказка, а не бесполезная. Лев Николаевич всегда говорил, что польза не только от большого, серьёзного сочинения, но и от всякой сказки, от всякой песенки, от прибаутки, от простой шутки, если после них бывает весело и хорошо. А после сказки об огурцах как раз так и бывало.

А. Вьюрков

САД ТОЛСТОГО

Из книги «Чужие пороги»

Семья моя жила в одном из флигелей во дворе Хамовнического пивного завода, который примыкал к саду Толстого и отделялся от него высоким забором... Мне было девять лет. Сад Толстого нам, заводской детворе, представлялся сказочным лесом, где водились медведи, волки, хитрые лисы и страшная баба-яга с Соловьём-разбойником...

Знал ли нашу ораву Лев Николаевич? Конечно, знал. Наши горластые голоса не могли не доноситься до его кабинета. Играя на улице и гоняя собак по переулку, мы, конечно, мешали ему, но тогда мы этого не понимали и при встрече с ним весело и дружно кричали:

— Здравствуйте, Лев Николаевич!

В ответ он приветливо улыбался и приподнимал шляпу.

Весной и летом мы не заглядывали в сад Толс-

того. Мы были заняты игрой в бабки, в лапту, запускали «змея», гоняли голубей и часами пропадали на Москве-реке. Но вот наступало долгожданное 6 августа — «яблочный спас» (считалось, что к этому дню яблоки созревали), и наше внимание переключалось на сад Толстого. Забирались мы в него не со стороны пивного завода, а лазали через забор из соседнего сада Морозовской психиатрической клиники. Предварительно делали «разведку», дома ли Афанасий, и не спущены ли с цепи собаки. Для этого самый смелый из нас, Саша, пробирался во двор Толстого и узнавал всё во всех подробностях. Когда обстановка благоприятствовала нам — не было ни дворника, ни собак,— мы забирались на забор и усаживались на нём, как воробьи, готовые в любой момент соскочить на землю. Убедившись, что в саду никого нет, Саша спрыгивал в сад, пригнувшись, бежал к яблоне и начинал трясти ближайший сук. Вот захлопали падавшие на траву яблоки. Вслед за Сашей прыгали и мы. Если бы кто знал, как бились от страха наши маленькие сердца! А опасаться нам было чего. Афанасий без жалости драл нам уши, не щадили нас и дома, если о нашей удали становилось известно родителям. Пороли крепко. Но запретный плод сладок, и мы шли на риск, как говорится, «не щадя животов».

Успех окрыляет, и однажды, только мы приготовились прыгать в сад, как на аллее показался незнакомый нам мальчишка. На вид ему было лет двенадцать. Одет он был в домотканые штаны и белую рубаху с вышитым воротом.

— Вы чего тут чужие яблоки воруете? — спросил он, останавливаясь перед нами.

Мы переглянулись. В нашем переулке такого «огольца» не было.

— А ты что за птица такая? — вызывающе сказал Саша.— Хочешь, чтобы я тебе шею накостылял?

Мальчишка ухмыльнулся:

— Попробуй! Тятька-то вон он! Сейчас позову.

— А кто твой тятька? — спросил Саша.

— Кто?.. Афанасий. Он вам покажет, как чужие яблоки красть.

— Мы не воруем, — сказал кто-то из ребят.

— А зачем на забор залезли? — хитро прищурив глаза, допрашивал мальчишка.

Слово за слово, и мы узнали, что перед нами только что вчера приехавший с мамкой из Ясной Поляны сынишка Афанасия, Васька.

— Воровать не надо, — строго проговорил он. — Лучше попросите у отца, он и так даст. — Васятка бросил нам по яблоку, уселся против нас на скамейку и стал расспрашивать про Москву.

— А ты в школе где учился? — спросили мы Васятку.

— У себя. В Ясной Поляне. Первым учеником окончил! — добавил он с гордостью. — Похвальный лист получил. Учиться бы дальше надо, да нужда не дозволяет. — Васятка вздохнул. — Вот и привезли меня сюда в ученье к портному. Да вы слезайте, давайте поговорим. А то мне скучно тут. Мамка ушла, а тятька спать завалился.

Мы соскочили с забора и уселись вокруг Васьки на траву. Яблоки, конечно, мы ели теперь без стеснения.

— А вы, ребята, чужого не берите, — наставительно сказал Васятка. — Лев Николаевич не велит этого делать. Он нам говорил, что хороший человек никогда чужого не возьмёт.

— А ты его там видел? — спросил Колька.

— А как же не видать, раз он с нами живёт.

— А сад там у него есть?

— Сад здоровый. Это что за сад!

— А вы там у него, — допрашивал Колька, — яблоки... трогаете?

— Сперва воровали, — ответил Васятка, — а потом, как он с нами поговорил, перестали. Ведь мы как воровали-то. В спешке. Сколько сучьев поломаем. Раз нас Лев Николаевич и застал. Подошёл

и говорит: «Нехорошее это дело, ребята, воровством заниматься. Кто чужого, говорит, не бережёт, тот и своего не увидит. Хочется вам яблочка, придите, спросите, и никто вам не откажет. А так, смотрите, что вы наделали. Сучья теперь эти пропали и ни одного яблочка не принесут».

— И вам не попало? — спросил Колька.

— Нет. Ребят он любит. Не дерётся. Совестил только. «Дерево, говорит, то же самое, что и человек. Одинаково живёт. Человек, говорит, дышит, и дерево дышит. Человек растёт, и дерево растёт. Вы, говорит, пьёте и едите, и дерево питается соками земли». «Если тебе оторвать палец,— спросил он нашего Никишку,— тебе будет больно? Так же и дереву больно». Долго он нас пытал. Дал нам яблок по целой пазухе и отпустил. А мы сказали ему, что больше обижать деревьев не будем. Пусть себе живут. И в сад к нему вот уже два года не лазаем. Как вспомним, что он нам говорил, так почему-то стыдно становится.

— А что она сейчас, яблоня эта, слышит, что мы говорим, или нет? — спросил Ваня, взглянув на яблоню.

— Может, и слышит,— ответил Васятка.— Раз живёт, значит, чувствует. Эвона, какой сук кто-то отворотил,— показал он на затухлый сук, валявшийся у забора.— Вы небось сломали?

— Разве нам такой сломать,— сказал Саша.— Это либо больничные, либо наши с пивного.

— И вы теперь там, в Ясной, больше не воруете? — продолжал интересоваться занятый какими-то мыслями Колька.

— Нет, мы слово дали Льву Николаевичу. А вы будете? — спросил Васятка.

Мы стали ждать, что скажет Саша.

— Мы тоже не будем,— ответил он и, оглядев своих товарищей, сказал: — А если кто полезет, то вот, видали? — показал он всем крепкий кулак.

— Может, ты сам выдумал, что дерево ды-

шит? — глядя на клён, недоверчиво спросил Ваня.

— Ей-богу, Лев Николаевич говорил. И больно, сказал, ему бывает, дереву.

Мы посмотрели на сад, на яблони с обвисшими от тяжести ветвями, и нам показалось, что они стоят, как живые, листочки шевелятся. В саду тихо, ветра нет. Значит, дышат.

Слова Толстого, что дереву бывает больно и что

оно так же дышит, как и человек, запали нам в душу на всю жизнь.

Наступила зима. Мы соорудили в морозовском саду высокую гору. С неё был виден сад Толстого. Однажды мы увидели, что Лев Николаевич с сыном и дворником сооружают гору на своём кургане. Заметив нас, Лев Николаевич крикнул:

— Идите помогать. Вместе кататься будем!

Через пять минут мы были в саду. Притащили свои салазки, лопаты, и работа закипела. Мы подвозили на санках снег и, спотыкаясь и скатываясь вниз, тянули его на курган. Гора росла. Усерднее всех помогал Льву Николаевичу наш неутомимый Саша. Скоро сынок Льва Николаевича выдохся и незаметно исчез. В стороне стояли и нетерпеливо ждали, когда гора будет готова, одетые в тёплые шубки и капоры какие-то девочки. Самая маленькая из них то и дело спрашивала Льва Николаевича, скоро ли можно будет кататься.

— Скоро, деточка, скоро, — ласково отвечал ей Толстой, вытирая с лица пот.

Когда гора была готова и утоптана, решено было её полить. Колодец был тут же, в саду. Лев Николаевич навесил ведро на жёлоб колодца и стал качать воду. Ухватились и мы за коромысло колодца... На помощь пришёл Афанасий, и через час гора на лёгком морозе превратилась в ледяную.

Следующий день был воскресенье. С раннего утра мы толпились у ворот Толстого и нетерпеливо ждали приглашения кататься. Своя гора нас уже не интересовала.

— Как он сегодня? — робко спросил Афанасия Саша.

— Ничего, — ответил тот. — Весёлый. Обождите, скоро выйдет, — и пошёл в людскую.

Ждали мы Льва Николаевича долго. У нас посинели носы, руки. Вдруг появляется Афанасий и говорит:

— Входите, но только чтобы не баловать. Слышите?

У горы мы увидели Льва Николаевича и тех девочек, которые были накануне. К нашему изумлению, гора была обсажена ёлочками и на двух из них висели ёлочные украшения: бумажные фонарики, флажки, бусы. Сад огласился нашим криком, смехом, спором, и катанье началось. Не удержался и Лев Николаевич. Посадив в санки перед собою маленькую девочку, прокатился с нею раза два. Когда Толстых позвали завтракать, Лев Николаевич собрал нас и сказал:

— Замечательная гора, ребята. Спасибо вам. Подождите меня.

Через некоторое время он вернулся с большим пакетом и дал каждому из нас по два крымских яблока, по вяземскому прянику и по большой шоколадной конфете. Шоколад был для нас лакомством недоступным. Мы видели его только в руках торговцев и на окнах магазинов. И вдруг — у каждого из нас по целой шоколадной конфете. Мы откусывали по маленькому кусочку и с таким наслаждением смаковали, что умильнее наших рож едва ли кто тогда видел.

— Завтра, ребята, каток будем делать,— улыбаясь, сказал Лев Николаевич.— У кого из вас нет коньков?

Не оказалось коньков у Кольки и Илюши.

— Я вам куплю,— пообещал Лев Николаевич и погладил Кольку по щеке.

Три дня мы не уходили из сада Толстого. Как только прибежим из школы, сейчас же летим к нему в сад делать каток. И мы так усердно качали воду из колодца и поливали аллеи сада, что нам здорово попадало дома за промокшие валенки. Поливал каток и Лев Николаевич. Мог бы это сделать и дворник, но Лев Николаевич любил всё делать сам и нам говорил, чтобы мы не гнушались никакими трудами помогать другим.

— А главное, ребята, учитесь,— говорил он нам.— Грамотному и жить легче.

Из всей нашей компании Лев Николаевич особенно выделял трудолюбивого и ловкого Сашу. Вместе они кололи дрова, подметали сад, убирали снег.

Наконец и каток был готов. Кольке и Илюше коньки были подарены. Представляли они собой деревянную колодку с врезанной в них стальной полосой.

Каталась на катке вся семья Толстого, и мы, обгоняя друг друга, мокрые от пота, кружились по аллее, не щадя сил. Всем нам хотелось если не обогнать Льва Николаевича, то хоть не отстать от него. Но как ни старались, как ни размахивали руками, никому из нас не удавалось догнать его, и все мы приписывали его успех не ему лично, а его конькам.

Закручивая палочкой на валенке верёвку от конька, Колька, шмыгая носом, говорил:

— Я бы на таких коньках, как у него, показал ему. А на колодках разве его обгонишь?

Шла рождественская неделя, и мы, катаясь на катке Толстого, заспорили, придёт он или нет. Вдруг видим — из-за угла дома выезжает он, улыбающийся, но не на коньках, а на велосипеде. Мы разинули рты от удивления, а Толстой, не обращая внимания на нас, покатил на нём вокруг всего сада и, посмеиваясь, то и дело оборачивался и смотрел, как мы старались догнать его. Колька в замершей позе стоял, смотрел и ждал, когда Лев Николаевич упадёт. В том, что он должен упасть, Колька нисколько не сомневался. Он не представлял себе, как теперь Лев Николаевич сойдёт с быстро катящейся машины. Когда Толстой сделал два круга и, замедляя ход, остановился, Колька был доволен и разочарован. С этого дня он стал бредить велосипедом.

Когда стемнело, Лев Николаевич пригласил нас, несколько человек, и детей артельщика Румянцева к своему любимому сыну Ванечке на ёлку. Стояла она, разукрашенная и увешанная конфетами, хлопушками и фруктами, наверху, в гостиной. Помню, мы пели песни, Лев Николаевич с Софьей Андре-

евной подпевали нам. Саша плясал «русскую», Ванечка вместе со всеми хлопал в ладоши. Потом Лев Николаевич затеял какие-то игры. Было весело, шумно. После игр всех нас в бумажных колпаках усадили за стол, поили чаем, угощали пирожными...

Небезынтересно знать, как относилось ко Льву Николаевичу население Хамовнического переулка, всего Зубова и Смоленского рынка, так называемые простые люди: служащие, торговцы, ремесленники, рабочие.

Я не видал ни одного прохожего или торговца, который, завидев Льва Николаевича, не снял бы картуза и не поклонился ему. Мне бросалось в глаза, что даже толстые торговки чёрствыми булками и селёдками на Смоленском рынке и те, с трудом поднимаясь со своих скамеек, низко кланялись ему. А ведь большинство торговцев и ремесленников были люди малограмотные и, конечно, книг Толстого не читали.

Кондуктора конки, работая годами на одной и той же линии, знали почти всех пассажиров, изо дня в день ездивших на конке. Ну, а такого известного и заметного человека, как Толстой, мудрено было не знать.

Иногда Толстой отправлялся в «город», как тогда называли центр Москвы, на конке. Дойдя до угла своего Хамовнического переулка, мимо которого по Царицынской проходила конка, он смотрел, катит ли в его сторону вагончик, и шёл к месту остановки. Но по дороге кондуктор, завидев его, звонил в звонок, останавливал вагон и, приветливо улыбаясь, ждал, пока Лев Николаевич сядет. Место ему с удовольствием уступал каждый. Также, в нарушение правил, когда Толстой возвращался домой, кондуктора останавливали вагон против его переулка. Лев Николаевич бывал очень сконфужен такой любезностью, благодарил кондуктора, говорил,

что это его стесняет, но ему весь вагон отвечал:

— Нас-то много, а вы у нас один.

Толстой часто проезжал через Смоленский рынок, на Новинский бульвар, где была специальная дорожка для верховой езды. Не раз я встречал его там и бывал поражён, с какой быстротой он мчался мимо меня на своей низкорослой лошадке. Пригнувшись и придерживая шляпу, чтобы её не сдуло ветром и не сорвало ветвями лип, он летел во весь опор до самого Кудрина, а там, повернув лошадь, тем же аллюром мчался обратно.

— Ай да дедушка! — удивлялся наезднику какой-то прохожий.— Молодому так не проехать.

— Это не дедушка, а Толстой,— сказал я ему.

— Толстой? — не поверил мне прохожий, и он долго стоял и смотрел в сторону, куда скрылся Лев Николаевич.

С. Толстой

КАК Я ПОМНЮ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО И ЧЕМУ ОН МЕНЯ УЧИЛ

Воспоминания внука

Посвящается Людмиле и Лене Позняковым

Когда умер мой дед Лев Николаевич Толстой, мне было тринадцать лет. Я и сейчас как будто вижу его перед собой: так ярко он мне запомнился.

Но особенно ярко припоминаются мне его беседы со мной. Беседовал он со всеми одинаково просто и серьёзно — говорил он и с ребятами так, как редко с ними говорят взрослые.

В течение долгого времени я просто вспоминал о том, что он говорил мне,— мне приятно было вспомнить о дедушке и лишний раз живо представить его себе. Но потом я вдруг подумал: ведь всё или почти всё, что он говорил мне, ведь это уроки мне на целую жизнь! Ведь всё то, что он мне говорил, он говорил «с умом», желая помочь моему вос-

питанию, сделать из меня настоящего человека! А если это годится мне — мальчику шести, семи, десяти, двенадцати лет, то, значит, это может пригодиться и другим ребятам, примерно тех же лет, а может быть, и постарше. Наверное, и для них это тоже будет полезно! И я решил написать воспоминания о своём деде Льве Николаевиче Толстом, не только рассказывая всё по порядку, а делая и некоторые выводы. Эти выводы и есть те уроки жизни, которые дал мне Лев Николаевич.

В первый раз в своей жизни я увидел Льва Николаевича вот как: я жил в то время у своего деда с материнской стороны Константина Александровича Рачинского в Петровском-Разумовском, где мой дед был директором Сельскохозяйственной Академии (ныне Академия им. Тимирязева). Мне было в это время 5 лет. Обстановка у моего деда К. А. Рачинского была довольно богатая: он занимал директорский особняк. В верхнем этаже была его квартира, в нижнем этаже помещалась кухня и жила прислуга.

И вот в один день мне говорят, что «приехал твой дедушка, отец твоего папы».— «Где же он?» — спрашиваю я. В ответ слышу: «Он внизу, на кухне». Спускаюсь вниз и вижу: Лев Николаевич сидит на кухне и беседует с нашей кухаркой. Я тогда же почувствовал, как это удивительно! Вместо того чтобы сразу идти наверх и беседовать с профессором Рачинским, Лев Николаевич остановился минут на двадцать поговорить с простой женщиной, мимо которой обычно проходили, не удостаивая её своим вниманием. Лев Николаевич хотел показать, что он видит в ней такого же человека, как и во всех других людях. Окончив беседу с кухаркой и перебросившись со мной несколькими словами, Лев Николаевич отправился наверх к К. А. Рачинскому и провёл у него час-полтора времени.

Я навсегда запомнил Льва Николаевича таким, как я его увидел в эту мою первую встречу: глубо-

кие проницательные глаза, довольно худое лицо, не очень большая борода. Одет просто, по-деревенски: в зипун; палец у него почему-то был перевязан тряпочкой. Меня он расспрашивал преимущественно о том, во что я играю. Какой же жизненный урок я вынес из этой самой первой встречи с моим дедом?

В то время было резкое разделение на бедных и богатых, бар и простых людей. И Лев Николаевич, так мне думается, нарочно пошёл на кухню разговаривать с кухаркой: он хотел показать мне, а может быть, и моему другому деду, что ко всем людям надо относиться одинаково, что не должно быть классового различия, что всякий труд одинаково достоин уважения.

И для некоторых наших ребят этот урок жизни, который мне дал в первую же нашу встречу Лев Николаевич, может быть полезен: уважай всякого трудящегося и помни, что у нас все виды труда пользуются одинаковым уважением.

Хочется вспомнить ещё и вот что. Мне было девять лет. Я был в это время в Ясной Поляне. Стоял чудесный весенний день. Бродя по яснополянскому парку, я неожиданно увидел среди озарённых солнцем больших лип стол, за которым сидел Лев Николаевич и писал. (В это время он был уже очень старым.) В тёплые летние или весенние дни он, как я потом узнал, имел обыкновение уединяться в парке и там работать. Я подошёл к нему и поздоровался.

«Вот что, Серёжа, — сказал он мне, ласково ответив на моё приветствие, — пойди к Илье Васильевичу и скажи, чтобы он принёс мне другое перо, это плохо пишет». Илья Васильевич Сидорков был слугой в яснополянском доме, но Лев Николаевич называл его своим «помощником». Илья Васильевич, как никто другой, угадывал желания Льва Николаевича: какое ему когда нужно перо, какая бумага и так далее. Кстати сказать, Илья Васильевич прожил до глубокой старости: он умер в Ясной Поляне в 1940 году. Все последние годы своей жизни

он показывал дом-музей в Ясной Поляне экскурсантам. Я исполнил поручение. Илья Васильевич сделал, что было нужно: принёс другое перо и ушёл. А Лев Николаевич, оставшись со мной наедине, сказал мне: «Вот видишь, Серёжа, я кругом виноват, что мне другие люди служат, смотри, когда ты вырастешь большой, чтобы у тебя никогда не было слуги». Хотя мне в то время было всего девять лет, вид Льва Николаевича тогда и его голос — негромкий, грудной — до сих пор необыкновенно ярко встают в моей памяти.

До самых последних лет своей жизни Лев Николаевич стремился делать всё сам: в яснополянском доме не было ни водопровода, ни канализации, и Лев Николаевич сам носил воду, выносил вёдра, прибирал у себя в комнате. Правда, как старый и слабый, в самые последние годы он пользовался услугами своего «помощника», Ильи Васильевича, но всё время старался, чтобы этого было поменьше.

И, говоря мне: «Я кругом виноват, что мне другие люди служат, смотри, чтобы у тебя никогда не было слуги», Лев Николаевич хотел сказать: смотри, чтобы ты не стал «барином» и чтобы у тебя, когда ты вырастешь большой, не были в услужении другие люди, и делай всё по возможности сам!

Какой урок и для меня тогда, и для современных ребят! Многие из тех, кто сейчас учится, займут на производстве, в сельском хозяйстве, на транспорте командные должности, и у них будут подчинённые, но всегда, как бы высоко тебя ни поставил советский народ, ты должен помнить о чутком, добром и внимательном отношении к тем, кто от тебя зависит. Это на будущее. А сейчас надо стараться всё делать самому: не перекладывать никакой работы ни на маму, ни на сестру, ни на братишку. А если в доме в помощь отцу и матери есть домработница, надо всегда помнить, что она не прежняя «прислуга», быть с ней добрым и приветливым и в чём только можно помогать ей.

Расскажу ещё про один мой разговор со Львом Николаевичем. Приехал я как-то раз, мне тогда было лет десять, в Ясную Поляну. Встал я рано, часов в семь, и всё вертелся около дома. Вижу, выходит из дома Лев Николаевич. Он был один; одет в своей любимой простой серой блузе, в высоких сапогах. Я к нему: «Дедушка, можно мне с тобой пойти на прогулку?» А он отвечает: «Хорошо, Серёжа, иди со мной, только молчи. Я утром, когда гуляю, думаю, и ты мне не мешай». Как я потом узнал, Лев Николаевич всегда утром, часов в восемь, отправлялся один на короткую прогулку, во время которой он обдумывал и свои произведения и вообще жизнь. Я сконфузился и не пошёл со Львом Николаевичем. Я понял: не будь назойлив! У старших есть важные дела, и ребята не должны им мешать! Да и вообще никогда никому мешать не надо. А как узнать, когда мешаешь? Надо быть внимательным — не ждать, пока тебе объяснят, а самому соображать. Думаю, что, как этот урок был полезен мне, так он может быть полезен и другим ребятам.

А вот ещё случай. Приехал я в Ясную Поляну весной с новым велосипедом. Его мне только что подарили, и я учился на нём ездить. Я страшно радовался велосипеду. Велосипед был небольшой, подростковый. Я всё время с восторгом катался на нём по Ясной Поляне и боялся только одного, как бы он не сломался. Ведь в то время в Ясной Поляне никаких ремонтных мастерских не было.

Как-то после обеда я прислонил его к стене дома, а сам за чем-то на минуту отошёл. И вдруг я вижу, что Лев Николаевич подходит к велосипеду, заносит ногу и уже собирается садиться. Я страшно испугался. Велосипед-то был маленький, а Лев Николаевич — большой: вдруг он его сломает! Да, думаю, он и ездить-то не умеет! Потом мне объяснили, что Лев Николаевич прекрасно умеет кататься на велосипеде. Подбегаю я к дедушке и говорю: «Дедушка, что ты делаешь? Велосипед ведь маленький! Ты его

сломаешь!» Лев Николаевич слез с велосипеда, пристально, строго и как будто грустно посмотрел на меня и сказал: «Ну, нельзя так нельзя». И пошёл в парк, не прибавив ни одного слова. Как мне было стыдно тогда! Я хотел было догнать Льва Николаевича, сказать ему: «Садись, дедушка, поезжай!» Но как-то растерялся и остался стоять на месте.

Не надо жадничать, не должно быть собственнических наклонностей. Пожалеешь, не дашь, а потом самому стыдно станет. Я до сих пор вспоминаю, с каким горьким укором посмотрел на меня тогда мой дед! Вот какой урок дал мне Лев Николаевич!

Но, пожалуй, тут есть и ещё урок: своей иронией, когда Лев Николаевич сказал: «Нельзя так нельзя», он проучил меня за нечуткость, за внутреннюю грубость, невнимание к людям, тем более старшим. Как я мог сказать ему: «Дедушка, что ты делаешь?» Да ещё добавить: «Ты его сломаешь!» Это было дерзостью. И как раз в тон мне Лев Николаевич и сказал: «Нельзя так нельзя». Словно так: захотел мною командовать, сам же останешься в дураках.

Однажды я приехал из Москвы в Ясную Поляну сразу после школьных экзаменов. Экзамены были первые, и я очень волновался и нервничал. В Ясной Поляне волнение моё ещё не улеглось. Помню, я почти не спал в ту ночь. Утром, когда все собрались пить кофе, я немного клевал носом. Вдруг входит Лев Николаевич. Не глядя ни на кого, он вдруг обращается ко мне: «Ты, наверное, всю ночь не спал!» И так посмотрел на меня, что мне даже немножко страшно стало. Как он умел прочесть всё по лицу!

Казалось бы, какой тут урок! А я его тогда же понял: не нервничай, держи себя в руках! — вот что хотел сказать Лев Николаевич. Правда, он только намекнул на это; не стал продолжать разговора, чтобы меня не конфузить: это он сделал по деликатности. Накануне он слышал, что я волновался насчёт экзаменов, а утром по моему лицу всё сразу понял.

И этот урок полезен, как мне кажется, ребятам. Не распускай нюни! Будь всегда твёрд и стоек!

Как это ни странно, однажды Лев Николаевич дал мне урок в отношении спорта, а пожалуй, и в отношении к труду.

Я играл с другими детьми в волан. Была тогда такая игра. Надо было на особую палочку подхва-

тить кольцо. Я играл с большим одушевлением. Лев Николаевич сначала смотрел на меня с интересом и вроде как сочувственно, а потом воскликнул: «Сколько лишних движений!» Я, правда, играл порывисто и немножко зря метался из стороны в сторону. А мысль у Льва Николаевича была такая, как я её сейчас понимаю: «В игре, в спорте — да и в труде, пожалуй,— будь разумен, не делай лишних движений, делай только то, что нужно,— будь рационализатором самого себя». И это, я думаю, очень полезно всем ребятам: будь организованным в личной жизни, и в спорте, и в учёбе, и в дальнейшем, и это особенно важно,— на производстве.

Был один случай, когда Лев Николаевич занимался со мной чтением вместе с другими ребятами. Один из них был как раз сыном Ильи Васильевича Сидоркова, о котором я уже говорил. Лев Николаевич читал вслух свои произведения и требовал, чтобы мы говорили откровенно, что думаем о его вещах. При этом он только отдельными словами, замечаниями подводил нас к правильному выводу, не высказывая до конца собственного мнения. Он хотел, чтобы мы высказывались сами. Не помню точно, что именно я говорил, но Лев Николаевич похвалил меня и сказал, что отвечал я правильно и искренне.

А какой тут урок? Надо не вызубривать, а по-настоящему, глубоко вникать в то, что тебе преподаётся, и иметь своё собственное мнение. Некоторые думают: выучил всё от первой до последней страницы и — делу конец. Нет, надо хорошо обдумать, осмыслить прочитанное.

Эти уроки жизни, которые давал мне Лев Николаевич иногда намёками, а иногда и прямо, говоря всё до конца,— запомнились мне на всю жизнь. Плохо ли, хорошо ли, я старался их осуществлять. А сейчас, мне кажется, что они могут пригодиться всем нашим ребятам. Потому я и рассказал всё это.

10 коп.

Для младшего школьного возраста

САД ТОЛСТОГО

Избранные воспоминания

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *Е. М. Ларская*.
Технический редактор *Г. Г. Рыжкова*. Корректор *Э. Я. Сербина*.

ИБ № 9737

Сдано в набор 07.01.87. Подписано к печати 11.05.87. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Печать офсетная. Бум. офс. № 2. Шрифт обыкновенный. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 4,5. Уч.-изд. л. 2,81. Тираж 2 700 000 экз. Заказ № 1414. Цена 10 коп.
Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.